

Владимир МАРЦИНКЕВИЧ (1951–2014)

17 июня. 75 лет назад родился журналист, прозаик, публицист Владимир Петрович Марцинкевич (17.06.1951, г. Ульяновск – 20.10.2014, там же). Работал в органах МВД СССР. Окончил заочное отделение сценарного факультета ВГИК имени С.А. Герасимова (1988). Работал заместителем главного редактора газеты «Ульяновский комсомолец» и «Народной газеты», был соучредителем ООО «Сим-Пресс» и ТРК «Прага». Член Союза писателей России. Рассказы «Попужай!», «С первого выстрела», «21 августа», «Преждевременная смерть» опубликованы в журнале «Наш современник» (№7, 2005). Был ответственным секретарём Ульяновской региональной организации Союза писателей России (2002–2006).

СВЯТАЯ НАИВНОСТЬ

(отрывок из рассказа)

Кандидатскую по искусствоведению Евсеев защитил поздно – в тридцать пять лет. Все считали, что уж с его-то способностями это надо было сделать лет на десять раньше, а он никак не мог понять, что значит «с его способностями». Он считал себя человеком вполне обыкновенным, и каждый раз, когда ему намекали на то, что он умён, ему становилось неудобно и казалось, что над ним просто подшучивают. Но в тридцать лет он всё же пошёл в аспирантуру и рассматривал её как последний шанс «произойти».

Все последующие пять лет он работал только на диссертацию, не замечая ничего вокруг себя, если это не было связано с его темой. Даже когда от него ушла жена, он никак не обратил на это внимания, это казалось ему такой мелочью по сравнению с его целью. Тогда, в тридцать лет, он сказал себе, что единственное важное в жизни – это точно наметить себе курс и идти по нему не сворачивая, до конца, полностью отдавая себя делу. Думать иначе – святая наивность.

Чем ближе подходил день защиты, тем сильнее Евсееву казалось, что в этот день непременно произойдёт что-то невероятное, невозможное, небывалое... Но многое из того, что в мечтах рисуется волшебными, яркими красками, в действительности происходит каким-то жутко банальным способом, словно бы всё уже давным-давно поставлено на конвейер. Дурацкие поздравления, неискренние пожелания успеха, пошлый банкет с пошлыми речами, к которым так и хотелось добавить чеховское: «Дорогой многоуважаемый шкаф!»

И после ничего не изменилось в его жизни. Всё так же приходилось тянуть лямку околотитового подёнщика и по старой памяти продолжать писать заказные рецензии на фильмы, которые ему совершенно не нравились, но были сняты «своими людьми». А «своих» нужно было всячески поддерживать и выискивать в них несуществующие художественные достоинства, выдавая за художнические находки и откровения взятое в «долг без отдачи» у Бергмана, Феллини, Антониони, Бунюэля или Хичкока с Диснеем...

Надежда была только на книгу, но для того, чтобы издать её, нужно было всё так же халтурить. К числу таких халтур Евсеев относил и лекции о кино

для тружеников села, так высокопарно назывались его наскоки в какую-нибудь провинциальную глухомань, где новыми считались те фильмы, о которых забыли не только жители городов, но и сами их создатели. Евсеев всегда возвращался из этих вылазок с некоторой потерей ощущения реальности и удивления, что всё это можно найти всего лишь в нескольких сотнях, а то и десятках километров от Москвы.

Так было и сегодня. Хорошо хоть нашли для столичного лектора всепогодный уазик, а то так и не добрался бы он до очередного села. Стояла поздняя осень, и даже уазик приходилось нелегко на раскисевшей черной земле.

Евсеев проезжал мимо опустошённых и разорённых без всякой войны сёл, и мысли ему в голову приходили такие же невесёлые, как и эта октябрьская погода, забывшая о своей обязанности дарить на прощанье тепло бабьего лета. Да и о чём всё-таки можно было думать, если, едва свернув с шоссе на просёлок, сразу же попадаешь в девятнадцатый, а то и в восемнадцатый век, в деревянную, лапотную Русь, утонувшую вместе со своими оплаканными осенними дождями избушками набекрень в плодородной и непролазной грязи...

Названия села Евсеев не запомнил, да он и не старался, какая разница. Что-то такое чисто русское. А вот сельский Дом культуры обратил на себя его внимание. Он размещался в старом здании церкви, которое так и не потеряло своего архитектурного лица, несмотря на то что чьей-то безжалостной рукой напрочь были снесены купола и колокольня.

Уазик буквально подплыл к крыльцу по огромной, иссечённой мелким дождём луже. Евсеев встал на твердь крыльца, осмотрелся и поймал себя на мысли о том, что самым большим наказанием для него было бы прожить свою жизнь вот здесь, посреди этого мокрого хаоса всероссийского потопа. Особенно мрачно смотрелся чёрный, некрашенный, насквозь промокший забор. Евсеева всегда угнетало это убожество деревянной Руси.

Как Евсеев и предполагал, на лекторий в такую непогоду никто и не собирался. Морально он был к этому готов, но всё же было как-то неприятно. Неужели во всей этой залитой дождём и грязью округе не было ни одного человека, которому захотелось бы поговорить с ним о чём-нибудь! В конце концов, разве ради только одной кандидатской десятки тащился он сюда, в эту топь и хлябь!..